

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-118-123

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ САНКЦИОННОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

© *Владимир Александрович Лазарев*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

valazarev@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации санкционного дискурса в русском и английском языках. Материалом исследования послужили контексты из вещательного канала РБК и тексты, отобранные в соответствии с указанной тематикой методом сплошной выборки. Подчеркивается всплеск интереса к данной тематике как отражение пристального внимания к проблеме санкций в целом и ее языковом воплощении в частности. Уделяется внимание такой дефиниции, как дискурсивная компетенция, являющаяся одним из элементов целостного высказывания. Приведены примеры заимствований из английского языка, проникающих в санкционный дискурс благодаря двум основным факторам. Во-первых, формированию абсолютно новых слов при описании нестандартных ситуаций. Во-вторых, заимствования могут возникать на фоне приобретения ими новых оттенков смысла. Подчёркивается, что это в совокупности способствуют формированию финансовой грамотности у участников коммуникации.

Ключевые слова: дискурсивная компетенция, санкционный дискурс, автор санкционного дискурса, лингвистическая метафилология, гибридный тип дискурса, концепт “SANCTIONS”, неологизмы, национальная идентичность.

Для цитирования: Лазарев В.А. Особенности реализации санкционного дискурса в лингвокультурном освещении // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 113. № 6. С. 118-123. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-118-123

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

The peculiarities of sanction discourse functioning in cross cultural vision

© *Vladimir A. Lazarev*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

valazarev@sfedu.ru

Abstract. This academic paper is devoted to the sanction discourse actualization in the Russian and English languages. The contexts and texts of broadcasting RBC (Ros Business Consulting) is chosen by the method of continuous sampling according to the definite theme. The surge of interest in the subject is emphasized as the reflection of focused attention to sanctions generally and in its language usage particularly. The publication focuses on the definition of discursive competence which is one element of a coherent utterance. Attention is paid to such a definition as discursive competence, which is one of the elements of a holistic statement. Examples of borrowings from the English language that penetrate into the sanctions discourse due to two main factors are given. First, the formation of completely new words when describing unusual situations. Secondly, borrowings can occur against the background of their acquisition of new shades of meaning. It is emphasized that these factors together contribute to the formation of financial literacy among communication participants.

Key words: discursive competence, sanction discourse, the author of sanction discourse, linguistic metaphilology, hybrid type of discourse, the concept “SANCTIONS”, national identity.

For citation: Lazarev V.A. The peculiarities of sanction discourse functioning in cross cultural vision. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 113. No 6. P. 118-123. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-118-123

Введение

В современной лингвистике существует множество дефиниций слову «дискурс» как в отечественном, так и в зарубежном языкоизнании. Ср: Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, Т.А. ван Дейк, Ю. Бенвенист, Д. Кристал, П. Серио и многие другие ученые. Т.Г. Скребцова в своей монографии уделяет внимание лингвистическому анализу дискурса с учетом лингвопрагматического, семантического и структурного параметров [3].

А.А. Карамова, обобщив многочисленные классификации, в основе которых положены различные критерии, дает, на наш взгляд, его исчерпывающую типологизацию [2]. В рамках современной парадигмы научного знания сегодня ведется полемика о перспективе изучения таких институциональных дискурсов как бытийный, статусно-ориентированный, мистический, сценический, эзотерический, компететивный и т.д. Мы также говорим о необходимости формирования дискурсивной компетенции, которая должна опираться на компьютерную и интеллектуальную составляющие, привлекая для этого целый арсенал языковых средств.

Целью статьи является анализ санкционного дискурса, выполняющего три ключевые функции: 1) формирование общественного мнения, 2) демонстрация решимости власти в отстаивании предпринятых действий и 3) учет модификаций в поведении социума в ответ на текущую ситуацию. Подобное целеполагание опирается на *следующие задачи*: вовлеченная в санкционный дискурс аудитория должна быть всесторонне информирована о причинах и последствиях введения санкций, необходимо проведение социологического опроса как показателя социальных изменений в обществе целевой страны и стран-инициаторов.

Теоретическая значимость представленной публикации свидетельствует о том, что она вносит определенный вклад в теорию дискурса с точки зрения категориального описания действительности, взаимодействуя с экстраверсивистическими факторами.

Санкционный дискурс, как методологический конструкт, отличается такими важными характеристиками, как динамичность, диалогичность и открытость. Он отражает реальные события, которые происходят в современном обществе. Автор санкционного дискурса, обращенного к читателю или зрителю, затрагивает различные социальные вопросы, актуализируя частные проблемы сквозь призму социальной напряженности. Мы не можем не отметить и креативную индивидуальность автора-полемиста. В основе нашего исследования положена *гипотеза*, согласно которой мы рассматриваем относительно новый тип дискурса – санкционный, сформированный в результате реакции на необоснованные антироссийские настроения.

Таким образом, *актуальность изучения* санкционного дискурса, рассматриваемая нами как социально-культурная трансформация, обусловленная ценностными ориентирами, когда мы рассматриваем язык в его динамическом развитии. Нас интересует, как меняется языковая норма, и какие способы формирования санкционной лексики мы наблюдаем в русском и английском языках. В рамках предпринятого изыскания нами использовались различные *методики*, начиная с эмпирического анализа материала по заявленной тематике, и заканчивая контекстным семантическим анализом текста. Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты будут способствовать дальнейшему развитию неологии и лингвистической метафорологии (изучению метафор в лингвистике).

Обсуждение

Сама номинация «санкции» берет свое начало от латинского *«sanctio»*, т. е. ограничения (лимитизация) как ответная реакция (feedback) на негативные или агрессивные действия. Санкционный (геополитический, цивилизационный) дискурс понимается нами как гибридный тип дискурса, в котором мы наблюдаем черты военного, политического, публицистического, медицинского, экономического, спортивного дискурсов. Ср.: «Сборной Кубы по волейболу не дали визы США из-за новых запретов Трампа» (РБК, 02.07.2025), «Капитуляция» Байдена по звонку: Россия поставила войну на паузу (РБК, видео от 14.04.2021). Говоря о метафорическом осмыслении, мы констатируем факт того, что происходит так называемая де-

монизация образа государства. Lack of new US sanctions allows Russia to replenish war chest (02.07.2025).

Итак, санкционный дискурс – это особый тип институционального дискурса, возникший сравнительно недавно наряду с дискурсом короновирусной пандемии, эксплицирует ограничительные меры в отношении стран, против которых вводят финансово-экономические ограничения и отражает проявление их результивности в качестве противостояния существующего миропорядка. Это предполагает негативное экономическое давление, сопровождаемое таким термином как «спираль молчания», когда игнорируются мнения оппонентов. В современных условиях развития российского общества в англоязычном санкционном дискурсе, мы обнаруживаем вербализацию угрозы социальной безопасности России.

Приведем примеры реализации британского (Br), американского (Am) и санкционного дискурса Евросоюза (EU): «On 21 May 2025, the Public Interest Disclosure (Prescribed persons) (Amendment) Order 2025 was introduced in Parliament (taking effect on 26 June 2025) to expand whistleblowing protections to include those reporting certain sanctions-related issues to the UK Government» (UK); «On 22 May 2025, the EU Parliament approved a regulation to increase by 50% tariffs on certain Russian and Belarussian agricultural goods, as well as tariffs and duties on Russian and Belorussian fertilizers. The next step is for the regulation to be formally adopted by the Council before it can enter into force.» (EU); «Sanctions, including asset freeze and transaction bans on certain persons that support the Russian Government. This includes foreign (i.e. non-US) person that has engaged in activities that undermine the Ukraine or has operated in the Russian energy, commodities, telecommunications, banking, industrial, transportation or manufacturing sectors.» (Am) [5].

«21 мая 2025 года Раскрытие информации, представляющей общественный интерес (для определенных лиц) (Поправка) В парламент был внесен приказ 2025 года (вступает в силу 26 июня 2025 года) о расширении мер защиты от информирования, включив в него тех, кто сообщает правительству Великобритании о некоторых вопросах, связанных с санкциями» (Великобритания); «22 мая 2025 года парламент ЕС одобрил постановление о повышении на 50% тарифов на некоторые российские и белорусские сельскохозяйственные товары, а также тарифы и пошлины на российские и белорусские удобрения. Следующим шагом является официальное утверждение регламента Советом, прежде чем он сможет вступить в силу». (ЕС); «Санкции, включая замораживание активов и запрет на транзакции в отношении определенных лиц, которые поддерживают российское правительство. Это относится к иностранным лицам (то есть лицам, не являющимся гражданами США), которые занимались деятельностью, в ущерб украинской экономике, или работали в российском энергетическом, сырьевом, телекоммуникационном, банковском, промышленном, транспортном или обрабатывающем секторах». (США).

Сегодня появляются публикации о новом концепте Sanctions с указанием на его образное и аксиологическое содержание. Небезынтересно заметить, что некоторые исследователи сходятся во мнении, что «Траектория обновления концептов – это поэтапное накопление номинантов в номинативных полях концептов» [1]. Появляются следующие неологизмы: финляндизация – описывает статус государства, которое рассматривается в промышленном отношении независимым на внешнем рынке по сравнению с другой влиятельной страной. Аллюзия на события времен «холодной войны», когда Финляндия, чтобы сохранить свою независимость, пошла на уступки СССР.

Калькированное заимствование *humanitarian corridor* как гуманитарный коридор, либо безопасные подходы – формирование так называемой демилитаризированной зоны, ограниченной временными рамками как гарант безопасной перевозки гуманитарной помощи в качестве миротворческого посыла и обеспечение эвакуации беженцев из конфликтного региона, является весьма частотным. Примером англоязычного неологизма может служить сложное слово, образованное способом словосложения: *sanctions-busting*. Ср.; Victor Bout and his company, Air Cess are at the heart of sanctions-busting operations. – Виктор Бут и его компания

«Эйр Сесс» являются важнейшими фигурантами в том, что касается операций по обходу санкций. (перевод, предложенный электронным словарем Мультитран).

Если проанализировать перевод указанного предложения с точки зрения трансформационного подхода, то мы наблюдаем синтез транслитерации и транскрибирования, модуляцию и нейтрализацию метафоры *at the heart* и экспликацию выражения *sanctions-boosting operations*. В дальнейшем мы можем продолжить изучать санкционный дискурс с точки зрения переводческого анализа, верифицируя некоторые некорректные переводческие решения с одной стороны и транслатологические удачи с другой. Более того, умение противостоять антироссийским санкциям может способствовать развитию национальной идентичности.

Так, в так называемой «народной лаборатории языковой игры», обращают на себя внимание эмоционально-оценочные неологизмы: «белорусские мидии» – иронический контекст имплицитно выражен отсутствием таковых в реальности. Указанный продукт доставляется нашему потребителю через Белоруссию. Нельзя обойти вниманием такие броские окказионализмы как хамонщик, пармезанщик – это либерально-настроенные лица, которые активно противостоят введению санкций. Соответственно, суффиксальным способом образуется лексема «пармезанить», то есть приобретать санкционный сыр за границей. Но думается, что эти слова скорее можно отнести к окказионализмам, нежели чем к неологизмам, понимая традиционное представление об этих терминах, а именно единицы речи (окказионализмы), они проявляют себя как индивидуальное новшество, как правило не получающие общественного признания и единицы языка неологизмы (многократное воспроизведение их в готовом виде).

Понятие «запрещенка» напоминает советизм эпохи СССР, когда некоторые произведения были запрещены к опубликованию как нежелательные по идеологическим соображениям, на современном этапе это именование продуктов, которые запрещены к ввозу в Россию из некоторых государств. Из-за санкций у жителей Российской Федерации появились сложности, наложенные страной-производителем, мы наблюдаем с какими трудностями сталкиваются россияне, что в свою очередь находит свое отражение в языке «утечка данных с зарубежных облачных хранилищ», «санкционно независимая операционная система» – поддержка жизненного цикла программного продукта, предложенного российскими программистами.

Все большую популярность набирает термин «прокси-война», опосредованная военная операция, осуществляемая между двумя странами через третью сторону, что напоминает выражение «война чужими руками».

«Продбезопасность» также характерно для дискурса РБК, в полемике о производстве продуктов в условиях дефицита привозных продуктов питания типа «Россия является гарантом глобальной продбезопасности, что находит свое отражение в укреплении безопасности производства основных продуктов питания». Уместно заметить, что наша страна совмещает в себе черты и импортера, и экспортёра продовольствия. «Economic warfare» – «экономическая война» является собой обновленный комплексный концепт в санкционных текстах как отражение ситуации нового этапа холодной войны, целью которого является лишение статуса России субъекта мировой политики.

Из английского языка заимствованы финансово-экономические термины:

balloon payment (последняя выплата для погашения кредита, превышающая все предыдущие);

Tequila crisis («эффект текилы» – девальвация национальной валюты и финансового кризиса в латиноамериканских странах);

market exit (уход с рынка в новых условиях развития рыночных отношений);

self-cert mortgages (само сертифицированные, либо заверенные с помощью цифрового собственного выпуска ипотечного кредитования);

crisologist (специалист по кризисным явлениям в рыночной экономике), *geo-economic shift* (геоэкономический сдвиг) – изменения в мировой экономике;

black list – список персоналий, либо компаний, которые подвергаются давлению или неоправданным ограничениям, economic coercion, что иллюстрируется следующим примером: «The most extreme measure of economic coercion in current use is the embargo» – «самой крайней формой экономического принуждения в современной практике является Эмбарго» [автоматический словарь Мультитран].

Можно выделить еще одну группу заимствований из другого языка, например, термин *ersatz capitalism*. Под ним понимается «псевдокапитализм» — экономическая модель, при которой рост благосостояния не отражает функционирования стандартной рыночной экономики.

Выходы

Санкционная картина мира отражается в обогащении словарного запаса, а ее лексика и фразы придают ей очевидную значимость. Все это помогает расширить рамки познания о взаимовлиянии менталитета, культуры и национального языка. Данное исследование позволяет говорить о феномене лингвокультурной идентичности санкционного дискурса и его этнодифференцирующей направленности. В санкционного дискурсе отчетливо проявляется важность контекста и подтекста в их ситуационном, общественно-политическом и ментальном многообразии. Устная риторика санкционного дискурса отличается употреблением клише, синонимических конструкций, риторических вопросов, обращением к цитированию в дискуссионном пространстве, все это в совокупности способствует привлечению внимания широкой аудитории.

В качестве дальнейшей перспективы исследования мы планируем уточнить понятие «санкционная картина мира», рассмотреть онтологическую природу дихотомии санкций-контрсанкций и уточнить термин «санкционный парадокс».

Список источников

1. Абыялка О.В., Землякова К.В. Современный политический концепт sanctions в англоязычном новостном дискурсе: когнитивный и лингвокультурный аспекты // Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96).
2. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке. М.: Язык русской культуры, 2000. С. 7–19.
3. Карамова А.А. Типологический аспект дискурса // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1. С. 361–370.
4. Карасик В.И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 2(50). С. 118–129.
5. Огнева Е.А. Технология обновления концептов // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 75–80.
6. Скребцова Е.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика: Курс лекций. М.: ЯСК, 2020. 312 с.
7. Тимофеев И.Н., Морозов В.А., Тимофеева Ю.С. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. М.: НП РСМД, 2020. 452 с.
8. UK, EU and US sanctions on Russia | Fieldfisher
9. The diminishing effectiveness of Western sanctions. – URL: <https://www.worldfinance.com/strategy/the-diminishing-effectiveness-of-western-sanctions-a-critical-examination> (дата обращения 23.10.2025).
10. Hanna Katie Terrell, Sales Francesca. Compliance risk. – URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/definition/compliance-risk> (дата обращения 23.10.2025).

References

11. *Abyakaya O.V., Zemlyakova K.V.* The new political law on sanctions in the English-language information community: cognitive and linguistic cultural experience. // Political statistics. 2022. No. 6 (96).
12. *Arutyunova N.D.* Naive reflections on a naive picture of the world // Language about language. M.: Language of Russian culture, 2000. P. 7-19.
13. *Karamova A.A.* Typological aspect of discourse // Culture and civilization. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 361-370.
14. *Karasik V.I.* Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series “Philology. Theory of language. Language education”. 2023. No. 2(50). P. 118-129.
15. *Ogneva E.A.* Technology of updating concepts // Cognitive language research. 2022. No. 2 (49). P. 75-80.
16. *Skrebtssova E.G.* Linguistics of discourse: structure, semantics, pragmatics: A course of lectures. M.: YASK, 2020. 312 p.
17. *Timofeev I.N., Morozov V.A., Timofeeva Yu.S.* Policy of sanctions: goals, strategies, instruments. M.: NP RIAC, 2020. 452 p.
18. UK, EU and US sanctions against Russia | Fieldfisher
19. Reducing the effectiveness of Western sanctions. – URL: <https://www.worldfinance.com/strategy/the> A critical analysis of the declining effectiveness of Western sanctions (accessed on 23.10.2025).
20. *Hanna Katie Terrell, Sales Francesca.* Compliance is a risk. – URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/> / definition/compliance risk (accessed on 23.10.2025).

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 23.10.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 23.10.2025.